

- «ЗАВЕЩАНИЕ АВВАКУМА»** (1879)
- «ОХОТА НА ЦАРЯ»** (1880)
- «МЕЖДУ АМУРОМ И НЕВОЙ»** (1883,
в следующих изданиях — «„ДЕМОН“ ПРЕСТУПНОГО МИРА»
И «РОКОВЫЕ ЧИСЛА»)
- «ХРОНИКИ СЫСКА»** (1876—1881)
- «ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ»** (1883)
- «ПУЛЯ С КАВКАЗА»** (1885)
- «ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО МАНЬЯКА»** (1886)
- «ВАРШАВСКИЕ ТАЙНЫ»** (1887)
- «МЁРТВЫЙ ОСТРОВ»** (1889)
- «УБИЙСТВО ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕРА»** (1892)
- «МОСКОВСКИЙ АПОКАЛИПСИС»** (1812)
- «ТУРКЕСТАН»** (1894)
- «УДАР В СЕРДЦЕ»** (сборник, 1877—1916)
- «НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ»** (сборник,
повести «ПОСЛЕДНЯЯ ВЫСТАВКА»
и «НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ», 1896; повесть и сборник
издавались также под названием «ТЁМНЫЕ ВСАДНИКИ»)
- «ДОЗНАНИЕ В РИГЕ»** (1898)
- «КАСЬЯНОВ ГОД»** (1900)
- «ЛУЧИ СМЕРТИ»** (1903)
- «ТИФЛИС 1904»** (1904)
- «БАНДА КОЛЬКИ-КУНА»** (1905)
- «ПО ОСТЫВШИМ СЛЕДАМ»** (1906)
- «ФАРТОВЫЙ ГОРОД»** (1907)
- «УЗЕЛ»** (1907)
- «СЛУЧАЙ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ»** (1907)
- «ОДЕССКИЙ ЛИСТОК СООБЩАЕТ»** (1909)
- «СТОЛИЦА БЕГЛЫХ»** (1909)
- «ВОСЬМОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО»** (1910)
- «КУБАНСКИЙ ОГОНЬ»** (1911)
- «ВЗАПЕРТИ»** (1911)
- «ПАУТИНА»** (1912)

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

ОХОТА
НА
ЦАРЯ

Москва
2022

• 1 •

ХЛЫСТЫ, И ЕЩЕ «ВАРШАВСКИЕ»

1 июня 1880 года начальник Нижегородской сыскной полиции Павел Афанасьевич Благово зашел к себе в кабинет в крайне растрепанном состоянии. За одиннадцать лет службы приходилось ему несколько раз рисковать жизнью, бегать под пулями, уворачиваться от ножа. Вот хоть бы о том годе, с этим мерзким хлыстовским царьком Свистуновым... Но так глупо и неловко Благово себя еще никогда не чувствовал. Совершал обычный еженедельный обход острога, в том числе навестил тех арестантов, чьи дела сейчас вел. Рутинная работа, все как обычно: угрозы, в ответ вранье и запирательство. Как вдруг подследственный Опокин, которому светит-то всего два года поселения, выхва-

тил из рукава портновский нож и бросился на Благово. Лицо у него было такое отчаянное, что Павел Афанасьевич не выдержал и побежал, забыв о достоинстве.

Зрелище получилось унижительное: статский советник и главный городской сыщик бежит по тюремному коридору, подследственный Опокин с бешеными глазами и лезвием в кулаке — следом, а замыкают всю эту дурацкую кавалькаду растерявшиеся надзиратели. Многочисленные заключенные, что шли как раз на построение, замерли вдоль стен, любуются редким зрелищем и смеются... Ужасно. И ведь мог зарезать, как кочета! Хорошо, в конце коридора оказался старший надзиратель Приходько. Увидев происходящее, опытный тюремщик отреагировал мгновенно и правильно. Он не стал махать саблей или револьвером (это было бы опасно в тесном людном коридоре), а просто швырнул с силой тяжелую связку ключей в лицо покушителя. Тот взвизгнул, упал на одно колено, закрыв пораненный глаз руками; тут-то его наконец и догнали бегущие следом надзиратели. Теперь Опокина ждет уже двенадцать лет каторжных работ, если он вообще выйдет из карцера здоровым, а не чахоточным инвали-

дом. Уж очень не любят чины тюремного ведомства нападений на себя и своих коллег — полицейских и судебных.

Самое же плохое в этой истории — ее необъяснимость. Тихий, затурканный арестант, попавший в тюрьму случайно и ненадолго, покушался на большого чиновника, добровольно ломая себе всю жизнь. Что он там кричал, настигая Благово? «За отца! За отца ответ!» Павел Афанасьевич точно знал, что с подследственным Опокиным он встречался впервые, родителя его никогда не видел, не арестовывал и не преследовал. Оставалось единственное объяснение — буйное помешательство. Такой риск всегда есть у тех, кто по роду службы общается с отбросами общества.

Для успокоения души Благово все-таки вытащил из несгораемого шкапа следственное дело Опокина. Переменил манжеты на рубашке, испил чаю с лимоном, окончательно успокоился и даже стал думать о недавнем происшествии иронично. Ну, побежал... Кто угодно побежит, когда на него, безоружного, психованный с ножом кинется. И не такие бегали! Один Лыков, наверное, не побежал бы, так ведь то Лыков...

Статский советник открыл «дело об хищении крестьянином деревни Рекшино Семеновского уезда Иваном Прохоровым Опокиным трех рублей с полтиною из кассы волостного правления». Так... Двадцать три года, холост. Отец утонул по пьяному делу аж в шестьдесят четвертом году. При чем тут он, Благово? Ну, точно, психованный.

И уже закрывая папку, Павел Афанасьевич увидел вдруг ответ на свой вопрос. Да такой ответ, что, как сказал классик, «в зобу дыханье сперло».

«В 1879 году привлекался в качестве свидетеля и соучастника в расследовании дела о хлыстовском «корабле» купца 2-й гильдии Акинфьева; оставлен в сильном подозрении».

Год назад Опокин был замешан в хлыстовском деле! В министерских отчетах и реляциях оно прошло под названием «следствие Нижегородского полицейского управления о завещании Аввакума». Тогда, в первый год генерал-губернаторства графа Игнатьева, назначившего Благово начальником сыскной полиции, на ярмарке схлестнулись могущественная Рогожская община староверов-поповцев и тайная секта хлыстов. Шла борьба за владение уникальным, бесценным для

любого староверческого толка завещанием протопопа Аввакума, написанным им за две недели до своей казни в 1681 году. В ходе этого противостояния едва не погибли сам Благово и его молодой помощник Алексей Лыков, а на ярмарке были убиты трое купцов и более десятка уголовных. В их числе был и знаменитый питерский «иван» Осип Лякин по кличке Ося Душегуб. Закончилась вся эта кровавая история побоищем на острове посреди Ворсменского озера, в старинном Троицком Островоозерском монастыре. Ранним утром, сняв часовых, туда пробрались Лыков и начальник рогожской службы безопасности Федор Ратманов по кличке Буффало. В перестрелке они перебили всю охрану «Верховного Христа», страшного старика Свистунова, тайного хлыстовского диктатора, повинного в смерти многих невинных душ. Буффало застрелил самого Свистунова и унес с собой завещание Аввакума, которое хлысты перед тем забрали у придушенного ими антиквара.

Операция проводилась по прямому указанию нижегородского полицмейстера Каргера и с ведома генерал-губернатора графа Игнатьева. Сыскная полиция в этом деле негласно сотрудничала с Рогожской общиной против

хлыстов, что было не совсем законно. Но власти были возмущены провокаторской ролью хлыстов, которые и затеяли все эти многочисленные убийства, вступив для того в сговор с уголовными. Министр поэтому молчаливо одобрил нижегородцев, наградив всех участников «дела о завещании Аввакума». Да и сама Рогожская община, будучи весьма близка к верхам, не дала в обиду союзников.

И вот теперь эта забытая уже было история вновь напомнила о себе. Очевидно, что молодой и простодушный крестьянин Опкин получил задание от нового хлыстовского «христа» отомстить за прошлогоднее поражение. Будет ли этому конец? Воевать с целой сектой, тайной, богатой, многочисленной, — это было уже чересчур. Надо срочно предупредить Лыкова! И Буффало тоже...

...Двадцатидвухлетний помощник начальника Нижегородской сыскной полиции Алексей Лыков также в это время вспоминал дело о завещании Аввакума. Еще ранним утром он получил неприятную телеграмму из Москвы:

«(НА) МЕНЯ СОВЕРШЕНО ПОКУШЕНИЕ
ТЧК (ПО) ВСЕМУ НАШИ ЗНАКОМЦЫ (С)

ОСТРОВА ТЧК ПРЕДУПРЕДИ БЛАГОВО ЗПТ БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ ТЧК БУФФАЛО».

Алексей хотел сразу же известить начальника, но тот поехал в острог из дома, не заходя в полицейское управление. Пришлось Лыкову отложить разговор, что едва не стоило, как потом выяснилось, жизни Павлу Афанасьевичу.

Титулярный советник Лыков не имел своего кабинета, а сидел в общей комнате сыскного отделения вместе с агентами. Поручив старшему агенту Титусу предупредить Благово о телеграмме из Москвы, он занялся самым неотложным из текущих дел. Третьего дня была обворована квартира председателя удельной конторы действительного статского советника Сиверса; воры унесли полпуда столового серебра и драгоценности жены. А еще — десятитысячный вкладной билет Московского коммерческого банка всего с одним отрезанным купоном. Сиверс только вчера вечером нашел в своих записях номер и серию украденного билета и догадался сразу послать их с камердинером к Лыкову домой. Поэтому сегодня с самого утра Алексей занялся обходом банков, опасаясь, что билет за эти дни уже был предъявлен целиком или по-

купонно. Посетив отделения Русского торгово-промышленного, а затем Государственного банка, он оставил у старших кассиров номер ренты и по Балчугу спустился на Скобу. Здесь, в самом начале Рождественской улицы, возле Гостиного двора находился Николаевский городской общественный банк. Войдя в его кассовый зал, Лыков поморщился — опять этот развязный поляк! Только что он попался Алексею на Осыпной, разменивал там пятидесятирублевый банкнот на червонцы. Поляков Лыков не любил: они нанесли его покойному батюшке в 1863-м те ранения, что раньше положенного свели его в могилу. А тут еще эти манеры...

Но тут Алексей увидел, как полячишко забрал у кассира пять червонцев, бросил свое «дзенькуе» и вышел. Это было непонятно, а потому подозрительно. Почему пан меняет полусотенные в разных банках? Не проще ли было разбить на Осыпной сразу оба банкнота? Или они у него фальшивые? Но тогда он менял бы их в лавках да ресторанах, а не здесь, где обученный на фальшивки персонал!

Раздумывать было некогда. Лыков подскочил к кассиру, сунул ему под нос запаянное

в стекло удостоверение со своей фотографией и тихо произнес:

— Я из сыскного. Банкнот, даденный сейчас поляком, отложить. Известить управляющего, больше никому ни слова. А это, — тут он выложил на конторку извещение о краже вкладного билета, на бланке и со своей подписью, — для учета при обслуживании клиентов. Я зайду позже.

И, не дав ошарашенному кассиру сказать ни слова, быстро вышел на улицу.

Поляк обнаружился впереди него, уже саженьях в двадцати. Он шел по Рождественской в сторону Софроньевской площади легкой походкой молодого гуляки и ловеласа; подмигивал встречным дамам и барышням, на ходу осматривал вывески магазинов, весело помахивал тросточкой. Лыков увеличил дистанцию до пятидесяти саженьей из опасения быть обнаруженным. Выслеживаемый им человек был, видимо, не прост: то и дело пялился в зеркальные витрины или вертел головой во все стороны, словно заезжий турист, что позволяло ему вести задний обзор.

Ниже по Рождественской, недалеко от Козмодемьянской церкви, находился еще один банк — Нижегородский Купеческий.

Если поляк зайдет и в него с той же целью размена денег, то это будет означать только одно — что происходит осмотр всех банков в городе с целью подготовки ограбления. «Варшавские» — элита преступного мира, ловкие взломщики касс — славились своим искусством не только в России. Два месяца назад, в марте, были ограблены два банка: один в Праге, другой в Аахене, и следы в обоих случаях явно указывали на «варшавских». Нешто и досюда добрались?

Алексей перешел на другую сторону улицы и укрылся в москательном магазине Обрядчиковых. Сквозь его витрину он увидел, что поляк действительно посетил Нижегородский Купеческий банк. Вышел оттуда через четыре минуты, поднял тросточку, к нему подлетел извозчик с белым номером¹, забрал пассажира и, получив указание, двинул обратно к Скобе. Алексей запомнил номер «ваньки» и, дав ему отъехать, прошел в кассовый зал. Показав, как положено, документ, изъял под расписку сданный поляком банкнот (на этот раз четвертной билет), строго предупредил

---

¹ Белые номера были у извозчиков первого класса (у второго — красные).

кассира, чтобы он известил об этом только директора. Не забыл и оставить уведомление об украденном у Сиверса билете.

В управлении Лыков выгнал на улицу всех свободных агентов — для поиска извозчика — и уже через час узнал, что подозрительный поляк проживает в лучшей в городе «Большой Московской гостинице» на Благовещенской площади. А одновременно с ним там же поселились еще три солидных пана с большими чемоданами. Итак, «варшавские» приехали на гастроли?

Павел Афанасьевич Благово любил своего помощника Лыкова и старшего агента Титуса и возлагал на них обоих большие надежды. А если он кого любил, то жизнь такого человека становилась особенно трудна: Благово требовал от него соответствовать высоким ожиданиям...

Эстляндец Яан Титус начальника радовал. Умный, наблюдательный, всегда тонко оценивает ситуацию. Опасность чувствует за версту и ловко ее избегает, но, если нужно, становится храбр и хладнокровен. И удивительный актер: может загримироваться и сыграть кого угодно — от великого князя до татарки-торговки.